



Г. Ионова

СЕРГЕЙ РЫМАРЕНКО

Сенатор Гедда спешил на заседание особого присутствия сената. Коляска мягко катилась по набережной. Мимо проплывали каменные громады дворцов. Стоял светлый осенний день. Но сенатор не замечал ни нежных красок петербургского неба, ни строгой красоты города. Его мысли были поглощены «делом» студента Медико-хирургической академии Сергея Рымаренко.

Да! Этот загонит всех в тупик.

Судя по донесениям полиции, он — один из вожаков революционной партии. Третье отделение уже давно располагает сведениями о его крайних противоправительственных взглядах. И все же следствие не дает материала для обвинения. Все вопросы комиссии Рымаренко парирует умело и притом весьма дерзко. Вчера на вопрос, что означает выражение «голос с Альбиона», найденное в его письме к сту-

денту Манасееину, арестованный позволил себе невозмутимо заявить, что «это голос господина Герцена».

— Я читал, — заявил молодой медик, — брошюру под названием «Письма Герцена к русскому послу в Лондоне с примечаниями Шедо-Ферроти». Из этой брошюры я очень хорошо мог узнать как о характере деятельности Герцена, так и о его сочинениях.

Сенатор побагровел при одном воспоминании об этом заявлении. Неслыханная дерзость! Теперь благодаря «Колоколу» всем известно, что брошюра Шедо-Ферроти напечатана тайно, под видом подпольного издания на деньги русского правительства, чтобы опорочить Герцена. Рымаренко заговорил о ней с явным умыслом. Мол, правительство само позаботилось о популярности знаменитого изгнанника...

А его ответ на вопрос о шифре для переписки, который он послал бывшему студенту Португалову? $\frac{404}{36}$, $\frac{324}{4}$, $\frac{395}{5}$ — эти цифры врезались в память сенатора. Он столько ломал над ними голову!

— Не могу припомнить значения этих знаков, — заявил бунтовщик, — может быть, это было напоминание о какой-нибудь задаче-шараде или дружеской шутке.

Разве это не издевательство над комиссией?

...Коляска остановилась. Медленно растворились тяжелые двери особняка. Сенатор, минуя грозных каменных львов, вошел в подъезд. Небрежно сбросив на руки швейцара шинель, Гедда, страдая одышкой, тяжело поднялся по лестнице.

Члены комиссии уже в присутственном зале. Склонившись над папкой, просматривает бумаги сенатор Жданов. Гедда неприязненно покосился в его сторону. Этот далеко пойдет! Сделает карьеру!

Председатель комиссии князь Голицын застыл на своем месте, словно изваяние. Высокий, седой, с оловянными глазами и брезгливым выражением лица, он медленно обвел взглядом членов комиссии и объявил об открытии очередного заседания.

— Господа! Нам предстоит сегодня вынести определение по делу студента Медико-хирургической академии Сергея Рымаренко. Каковы мнения членов комиссии?

Гедда заговорил, с трудом сдерживая раздражение:

— Рымаренко — личность весьма упорная, крайних взглядов, и к нему необходимо применить самые строгие меры наказания!

— Я совершенно согласен с вашим мнением, милостивый государь, — протянул Жданов. — Рымаренко изобличается в заказе столяру Вагнеру типографских прессов для тайного печатания и в увозе с неизвестными лицами одного из этих прессов. Совпадение времени заказа студентом Рымаренко типографских прессов со временем распространения в значительном количестве разных возмутительных преступных сочинений, тайно печатаемых; первоначальное заpiresельство Рымаренко и потом его изворотливые и уклончивые объяснения, а также его противоправительственное направление, ясно видимое из найденных у него при обыске бумаг, не оставляют сомнений в участии его в злоумышленном распространении сочинений преступного содержания. Как личность, представляющуюся по делу весьма упорною и вредного образа мыслей, надлежит его выслать на жительство в один из отдаленных городов Европейской России, по назначению министра внутренних дел.

Сенатор умолк. На окаменевшей физиономии написано: «Сгноить в ссылку!»

— Сверх того, — заключил Голицын, нарочито грасируя. — рекомендовать как место для ссылки Астрахань. Со своей чахоткой он там недолго протянет!

...Человек, о котором шла речь, не думал о своей участи.

В те минуты он сидел на убогой железной койке больничного отделения Невской куртины Петропавловской крепости. Это был юноша небольшого роста, со впалой грудью и поразительно добрыми глазами. Лицо его сияло глубокой радостью. Он сжимал в руке листок бумаги — письмо от сестры, сообщав-

шей ему незначительные семейные новости. Но среди пустяковой женской болтовни нет-нет да и попадется условное выражение.

Все хорошо. Борьба продолжается. В руках полиции ничего нет. Друзья помнят о нем. Просят крепиться.

Сергей обдумывал ответ. Арест не застал его врасплох. В руки полиции не попало ничего серьезного. На допросах он сумел отвести подозрения от друзей. Самое большее, что грозит ему лично, — ссылка, а там ведь всюду товарищи и... продолжение борьбы! Сейчас 1864 год. Минуло шесть лет с той поры, как он стал на революционный путь. Все началось в первый год его студенческой жизни.

* * *

Осенним утром 1857 года шестнадцатилетний Сергей впервые шел на занятия в Харьковский университет. Он все еще не мог освоиться с мыслью, что его приняли на медицинский факультет. Ласковое солнце заливало улицы мягким светом. Последний перекресток. Сергей уже видел здание университета. Но что это? Из-за угла показался, ковыляя на костылях, инвалид с крестом и медалями на груди. Смертельно-бледное лицо. Глубоко ввалившиеся глаза. Лохмотья висят, едва прикрывая исхудалое тело.

У Сергея сжалось сердце. Он остановился, провожая взглядом солдата, пока тот не исчез за поворотом. По-прежнему сияло солнце, но перед глазами неотступно стояла фигура инвалида. Позорная война... Какие страдания терпят люди — бессмертные герои Севастополя! Теперь они умирают от голода в помещичьей империи, забывшей об их героизме. А ведь они поразили весь мир. Сила и ум народа, отвага и хладнокровие, бесстрашие и смекалка — все было отдано Родине. И все же война проиграна. Проиграна из-за тупости и бездарности царского правительствa, из-за воровства чиновников. Все прогнило насквозь. Нет! Невозможно дальше терпеть порядок, который держится кнутом, штыком и поповским кадилом!..

Сергей не заметил, как дошел до университета и очутился в шумной толпе студентов.

Путь к медицинскому образованию был подсказан старшими друзьями. Год назад преподавателем его старшей сестры Елены стал студент-медик Вениамин Португалов. Сергей был очень дружен с сестрой, они вместе сблизились с кружком передовых студентов медицинского факультета. Португалов рассказывал о профессорах, приносил запрещенные сочинения Герцена, вольнолюбивые стихи Пушкина, Рылеева. С каким нетерпением ждал Сергей окончания гимназии и поступления в университет!

Наконец мечта осуществилась. Для него началась счастливая пора юности. Каждый день казался праздником. Новое отношение к окружающей жизни давало ему университет. Ежедневно, вернувшись с лекций, Сергей до поздней ночи просиживал над книгами. Вот они, его верные друзья в кожаных тисненых переплетках и простых бумажных обложках, толстые и тоненькие, свежие и затрепанные. Рядом с анатомией Вальтера поместился дантовский «Ад», и вслед за физикой Ленца идет Шекспир, дальше Гоголь, Баратынский и Фейербах, Белинский... Главным образом беллетристика, философия, политика!

Не мудрено. Философией и политикой увлекаются все студенты. Таково время. Ухитряются сэкономить каждый грош, чтобы купить книги. А расходов у студента немало. Недавно пришлось в складчину купить труп для занятий по анатомии.

Однажды в его комнате появился Португалов.

— Читал «Колокол»?

— А что это такое?

— Новый журнал Герцена, — и он протянул Сергею тонкие свернутые листы.

Сергей был поражен силой и смелостью вольного слова.

Для Сергея наступила пора больших раздумий. Но с кем поделиться всерьез, где найти таких людей? Прежде всего хотелось знать, чем он-то, Сергей Рымаренко, может быть полезен стране? Кругом происходят события, к которым никак нельзя оставаться

безучастным. После военной катастрофы все вдруг разом заговорили о безнадежной отсталости России, о безобразных порядках в армии, в судах, университетах. Требуют свободы печати, возмущаются произволом полиции и чиновников. А надо всем этим хаосом чудится, как подымается грозная тень исполина в лаптях и с топором, занесенным над головой. Страх пробирает помещиков. Сам царь поневоле заговорил о необходимости освобождения крестьян.

И вот теперь «освобождают». Секретный комитет... губернские комитеты... но что в них творится, понять трудно. А к кому обратиться?

Перед ним опять Вениамин.

— У тебя, Сергей, честный образ мыслей. Мы давно присматриваемся и теперь решили принять тебя в свой круг. Хочешь?

— Разумеется! Я давно мечтал познакомиться с людьми, способными мыслить и действовать!

— Тогда приходи ко мне. Сегодня собираемся побеседовать. Наше общество существует уже больше года.

Смеркалось. Первыми пришли Муравский и Ефименко. Потом появились Завадский, Ивков, Левченко, Зеленский, Раевский. Последним пришел Яков Бекман. Он тотчас приковал к себе внимание Сергея. Умное лицо, пронизательный взгляд, спокойствие, за которым чувствовалась большая внутренняя сила, наконец, общее уважение к нему указывали, что это жоак. Впрочем, сам он старался держаться незаметно.

Когда все собрались, поднялся Петр Завадский.

— Мне поручено написать статью для «Колокола» о деятельности и задачах нашего тайного общества. Я начал с того, что общество ставит своей целью произвести революционный переворот в России. Но что сказать дальше?.. Мне кажется, — продолжал оратор, выдержав паузу, — лучше всего сразу покончить с царем... Вот только бы достать денег на билет до Петербурга, а там бы я подкараулил, когда царская семья поедет в коляске на прогулку, и...

Завадский стиснул себе горло руками.

— Легкомысленная болтовня, — оборвал Бекман, — революционный переворот требует участия всего народа.

— Конечно! — горячо отозвался Муравский. — Поднять всеобщее народное восстание, вот что надо! Это вполне осуществимо в наше время. Сейчас вся Россия как паровой котел, готовый взорваться. Можно не сомневаться — в одно прекрасное утро Россия узнает, что во всех концах ее вспыхнул жесточайший бунт.

— Поднять восстание сразу нельзя, — возразил Ефименко. — Следует сначала хорошо подготовить народ, чтобы он знал о наших целях. А для этого нужно распространять среди крестьян прокламации, написанные народным языком. Пожалуй, стоит поручить Петру Завадскому написать такую прокламацию. Это поможет ему избавиться от фантастических планов. Не так ли, господин истребитель династий?

Все рассмеялись. Предложение Ефименко было принято.

В «Колокол» о работе общества написали Бекман и Муравский.

Сергей стал участником тайного общества. Собирались почти каждый день. Чаще всего у Сергея. Так безопаснее. Он жил в доме отца. Это был чиновник железнодорожного ведомства. Выслужив в Петербурге небольшую пенсию, он в 1851 году вернулся на родину в Харьков. Сергею было в то время 12 лет. В Харькове семья жила на пенсию отца и его случайные заработки — он занимался посредничеством в продаже недвижимостей. Кроме Сергея, в семье было еще четыре сына и две дочери.

Родители с опаской смотрели на новых друзей Сергея. Убеждали прекратить тайные сходки. Только Елена восторженно встречала студентов.

В маленькой комнате друзья часто засиживались до утра. Горячо обсуждали подготовку правительством крестьянской реформы, читали «Современник». Бекман призывал учиться у Чернышевского.

— Как видишь, здесь развивается мысль, друзья обмениваются благородными идеями, здесь наглухо

закрыта дверь для своекорыстия, мелкого эгоизма и злобы, — пояснял Сергей сестре.

Девушка понимала. И когда ей позволяли, слушала с интересом беседы единомышленников.

Особенно запомнился ей один вечер. Петр Завадский читал свои «Заметки». В них говорилось, что от царя один вред народу, затем последовало «Поучение» простому народу. Это был сказ о том, какие порядки были в старину, когда управлял не царь, а народное вече, что в этих порядках хорошего и как бы снова вернуться к ним.

Первым заговорил Муравский.

— Написано очень хорошо... — тихо начал он, — просто, понятно, настоящим народным языком... но не век же сидеть на баснях и притчах. Мы совершенно упустили из виду, — продолжал он, оживляясь, — что ведь из наших крестьян едва ли сотая часть умеет читать, а из читающих едва ли сотая часть в состоянии понять написанное... Необходимо научить народ читать серьезные вещи. Надо образовать его, приучить думать, расширить круг его понятий. Грамотных людей легче подготовить к делу...

В комнате оживление. Задвигались стулья.

— А ведь он прав!

И они решили подумать о том, что можно сделать для распространения грамотности.

Однажды в начале апреля 1858 года на пути к университету Сергей был встречен возбужденной толпой товарищей. Гул возмущенных голосов всполошил обывателей. В окнах торчали сотни любопытных. Сергей не сразу понял, в чем дело.

Оказалось, попечитель Катакази приказал исключить из университета двух студентов, участвовавших в столкновении с полицией.

Экстренное собрание тайного общества. На этот раз на квартире Бекмана.

— Немедленно организовать общий протест против произвола полиции! — говорит вожак. — Необходимо пресечь вмешательство в жизнь студентов. Добиться восстановления исключенных!

Требования составлены. Они были утверждены на

студенческой сходке. Делегации в составе Бекмана, Португалова, Левченко и Хлопова поручено передать их Катакази.

Попечитель отклонил требования, не потрудившись повернуть головы к делегатам.

Взрывом возмущения встретила молодежь выходку бездушного чиновника. У дверей университетского правления вытянулась вереница юношей. У каждого в руке лист бумаги. 138 человек подали прошения об увольнении из университета. Вскоре к ним присоединилось еще 60.

— Под конвоем отправить смутьянов к родителям! — приказал было губернатор. Но тут же осекся. Не дай бог, все это получит огласку в России, а особенно за границей. Ведь там у этих мальчишек сильный защитник — господин Искандер. А его и в Петербурге побаиваются.

Началась обработка поодиночке. Кое-кого угрозами удалось заставить взять прошения обратно. Через несколько дней за стол уселась особая комиссия. Приговоры штамповались без задержки.

Исключить... исключить... исключить...

Сергей Рымаренко получил «высочайший выговор». Ему пришлось выслушать строгое внушение от университетского начальства. Остаться в Харькове невозможно. Немедленно в какой-нибудь другой город. Сначала захотелось в Москву, но оттуда сообщили, что в университет его не примут. Многие уехали в Киев. Сергей крепко обнимал товарищей на прощанье, давая слово не сходить с избранного пути. Дружья поклялись поддерживать переписку. Сергея теперь привлекал Петербург. Там, в главном центре политической жизни и передовой мысли, он рассчитывал найти применение своим силам. Как не мечтать о Петербурге, если знаешь, что там живет поэт Некрасов, пишут свои удивительные статьи Чернышевский и новый кумир студентов Добролюбов? Там кипит жизнь, туда стекается смелая, энергичная молодежь.

На счастье, представился удобный случай. Сергею предложили сопровождать в столицу сына харьков-

ского откупщика Щербакова. Сергей горел жадной деятельностью. Буря, разразившаяся над студентами в Харькове, не испугала и не охладила его. Всю дорогу он горячо объяснял своему спутнику, как много еще предстоит сделать молодежи, как близок в России переворот, который покончит, наконец, с крепостным правом. Казалось, спутник вполне разделяет его взгляды. То был роковой промах. Спустя пару дней купеческий сынок направился прямо в Третье отделение. Он-то и положил начало жандармскому «делу» о студенте Сергее Рымаренко.

* * *

Сергею не до жандармов. В тот день, радостный и счастливый, он медленно шел по Невскому. Постоял на Аничковом мосту, любуясь конями Клодта. Пробираясь через толпу, прошел мимо Гостиного двора. На пути к Дворцовой площади он испытал всю тяжесть столичной духоты, жары и пыли. Лишь выйдя на набережную Невы, Сергей поддался вновь очарованию Северной Венеции. От красавицы реки веяло свежестью. Летний сад с его тенистыми аллеями, статуями и журчанием фонтанов напоминал грезы детства. Чудо-город! Куда ни глянь — дворцы, проспекты, каналы, памятники. У конной статуи Петра он читал про себя стихи Пушкина.

Впрочем, не одни красоты привлекли его внимание. После тихого Харькова Сергей был поражен кипучей жизнью огромного города. На окраинах дымили трубы, стучали машины. Со всей страны в столицу в поисках заработка стекались оброчные крепостные и государственные крестьяне. Ютились в темных и зловонных углах. Никто не имел представления о водопроводе. Беднота пила из каналов, загрязненных нечистотами. Каждое лето по городу проходила косой свирепая холера. Квартирная плата поглощала львиную долю грошового заработка рабочего, обрекая его семью на голодное существование. И вдобавок приходилось еще платить оброк помещику.

Да, это был город резких контрастов! Роскошь и нищета, барство и подневольное существование ужи-

вались в тесном соседстве. Лицо и изнанка крепостного права были одинаково ужасны. История уже подписала смертный приговор чудовищу, а оно, не подзревая этого, все еще продолжало пожирать людей.

Долго тянулось дело о приеме Сергея в Медико-хирургическую академию.

Наконец он был принят.

Все новым показалось Сергею в столичной академии. Профессора с громкими именами, иные порядки в аудиториях. Завязывались новые знакомства.

Жизнь его ничем не отличалась от существования сотен студентов-бедняков, собравшихся сюда из разных концов России. Убогая комнатка за пять рублей в год, лекции, анатомическая практика, вечная погоня за уроками в частных домах.

Среда, в которую он окунулся, юная, дерзающая, напоминала Харьков. Те же сходки, столкновения с полицией, та же тяга к объединению для защиты своих прав. Еще сильнее, чем на родине, чувствовался здесь жадный интерес к общественным вопросам и политике. По рукам без конца ходили запрещенные сочинения. Люди по ночам переписывали огненные памфлеты «Колокола». От души ликовала молодежь при появлении каждой новой статьи Добролюбова, со смехом декламировала сатирические стихи Якова Хама из неугомонного «Свистка». До дыр зачитывались номера «Современника».

Как недоставало ему друзей из Харькова! Вот где бы можно развернуться! И он писал в Киев Бекману, Португалову, Завадскому. Рассказывал о студенческих делах. Делился планами. Друзья сообщали, что в Киеве дела обстоят не хуже и они не бездействуют.

Как-то на улице один из товарищей Сергея показал на скромно одетого человека в очках.

— Это Чернышевский!

Вот он, человек, с которым Сергею нужно во что бы то ни стало поговорить. Что, если пойти прямо в редакцию «Современника»?

...Литейный проспект. К простому двухэтажному дому он подходил с замиранием сердца. На втором этаже остановился перед дверью с медной дощеч-

кой: «Н. А. Некрасов». Рука потянулась к шнуру звонка. Уйти?.. Но колокольчик уже звякнул, и дверь распахнулась. Сергей невольно вздрогнул. Огромная медведица, стоя на задних лапах, скалила зубы. Возле нее — два медвежонка. Швейцар посторонился, и Сергей увидел в лапах чучела серебряный поднос для визитных карточек. Позднее он узнал, что это лесное семейство — охотничий трофей Некрасова. Страстному охотнику он достался дорогой ценой.

Швейцар указал дверь в редакцию «Современника». В первой комнате никого. Сергей нерешительно шел мимо рабочих столов, заваленных рукописями и корректурами. В следующей комнате царил строгий порядок. Длинный стол, покрытый зеленым сукном. Здесь происходили заседания редакции, куда приглашались и писатели, сотрудничавшие в журнале. За тем же столом происходило «кормление диких зверей» — так называл Некрасов изысканные обеды, которыми он угощал цензоров. Иногда это помогало. «Звери» становились более снисходительными.

Но пока Сергей еще не знал всего этого. В конце комнаты у конторки стоял человек с пером в руке. Оторвавшись от работы, он взглянул на Сергея. Да ведь это Чернышевский!

— Что вам угодно, сударь?

— Можно ли видеть господина Некрасова?

— Вам придется подождать. Его нет сейчас. А какое у вас дело к нему?

— Я... пожалуй... лучше я зайду в другой раз...

— Как вам угодно.

Опомнился он уже на улице. Зачем было идти? Разве у него есть достаточно серьезное дело, чтобы отнимать время у занятых людей? Нет, должно быть, он поспешил. Нужно прежде сделать что-то полезное.

* * *

В столице росло революционное настроение. Отовсюду доносились тревожные слухи о событиях в деревне. В 1859 году в газетах появились короткие сообщения о протестах крестьян против винных откупов. Студенты записывались на очередь за статьей

Добролюбова в «Современнике». Там он писал, что единодушное движение против откупов охватило 38 губерний. Цифра внушительная! Деревня разгибает спину. Многие видят в этом начало больших событий. В стенах университета, Медико-хирургической академии, педагогического института студенты все чаще собираются в тесный кружок. В середине оратор. То там, то здесь слышится заветное слово — революция. Пока что его произносят с оглядкой, но погодите...

Сергей действовал с тактом. Для начала он решил создать Литературное общество. Оно было открыто с разрешения начальства. Сначала в нем читали новые романы, стихи Некрасова, некоторые статьи из «Современника». Потом осмелели — начали читать «Колокол», «Полярную звезду» и другие нелегальные издания. Тут же слушались доклады членов общества. Иногда ставили любительские спектакли.

Литературное общество было первым успехом Сергея. Общество давало возможность постепенно присмотреться к людям и выбрать самых надежных. Теперь можно было подумать о создании тайных политических кружков. Конечно, не все участники литературных собраний были готовы к этому. Многие не ушли дальше простого сочувствия крепостным крестьянам, негодования по поводу бездарности правительства, проигравшего войну, возмущения отдельными случаями беззакония и произвола чиновников. Но все больше под влиянием чтений и бесед юноши стали понимать узость своей борьбы за университетские преобразования; они осознали, что без крушения крепостного строя все останется по-прежнему. Об этом им неустанно толковал Сергей.

Теперь Сергею не хватало денег на свечи. Нередко до самого рассвета он не отрывался от страниц «Современника».

Сергей читал, делал выписки, а наутро спешил к людям, которые, по его мнению, вскоре смогут тоже назваться революционерами. Вот они, эти энергичные и смелые студенты-медики: Гюбнер, Крапивин, Беневоленский, Хохряков, Мультановский, Ля-

пустин, Краковецкий, Березин... Они стали его близкими помощниками. Не зря выбирал он их из среды своего Литературного общества. С ними у него разговор идет в открытую. Нужно готовиться к борьбе с оружием в руках. Только таким путем можно разрушить здание, покоящееся на крепостном труде, уничтожить помещичий гнет, беззаконие, произвол, создать в России республику. Своих юных слушателей он уверял, что победа революции приведет к социализму.

С помощью новых друзей Сергею Рымаренко удалось к началу 1860 года создать в Медико-хирургической академии несколько революционных кружков. Была установлена связь с другими революционными группами Петербурга и в первую очередь с университетским кружком Николая Утина.

О деятельности Рымаренко узнал Чернышевский.

И вот поздно вечером Сергей в незнакомом кабинете. Перед ним Чернышевский с его пристальным взглядом и странной, совсем необычной улыбкой. Она и насмешливая и ласковая одновременно.

Сергей без смущения выдерживает этот взгляд и улыбку. Под ногами твердая почва. Знаменитый публицист сам пригласил его к себе, и разговор идет о серьезных делах, в которых он, Сергей Рымаренко, уже не новичок. Он проявил себя неплохо.

Беседа идет о воскресных школах.

В 1858 году киевский профессор Платон Васильевич Павлов, измученный травлей со стороны чиновников ведомства просвещения, решил эмигрировать под предлогом лечения. Встреча с Герценом в Лондоне изменила все его планы. Герцен советовал Павлову вернуться в Россию, в которой все вскоре должно измениться и которую ожидает великая будущность. Герцен подал Павлову мысль об открытии в России народных воскресных школ силами общественности. Профессора, учителя, студенты должны добиться от правительства разрешения бесплатно учить крестьян, мастеровых, приказчиков, домашних слуг и их детей по воскресеньям. Школы должны содержаться на средства, жертвуемые добровольно людьми разных

сословий. Просвещение народа, по мнению Герцена, — одно из важных средств коренного переустройства страны.

Павлов вернулся на родину. Уже 1 октября 1859 года в Киеве открылись Подольская и Ново-строенская воскресные школы. Число школ быстро стало расти. Еще в Лондоне Герцен сообщил Павлову имена студентов, на которых можно было опереться, начиная новое дело. То были друзья Сергея Рымаренко по тайному обществу в Харькове. Это они в свое время писали Герцену о готовности начать распространение грамотности в народе с целью революционной пропаганды. Теперь они уже писали Сергею из Киева об успехе начатого ими предприятия.

Из Киева пишут, рассказывал Сергей Чернышевскому, что профессор Павлов едет в Петербург. Он собирается развернуть работу воскресных школ в столице России. Митрофан Муравский в своем письме описал прощальный вечер, данный киевскими студентами любимому профессору. Это было 14 декабря 1859 года. Знаменательная дата восстания декабристов, конечно, была избрана не случайно. В тот вечер студенты благодарили Павлова, руководившего деятельностью воскресных школ. Отвечая студентам, Павлов провозгласил тост за здоровье того, кто стоит «во главе прогрессивного движения в России». Тост был подхвачен с воодушевлением. Каждый знал, что речь идет о Герцене.

Чернышевский много говорил о воскресных школах. Во-первых, они помогут воспитать народ, научить не только читать, но и думать, подготовить к восприятию революционной агитации, которую, впрочем, не следует откладывать в долгий ящик. Во-вторых, воскресные школы дадут возможность установить постоянные тесные связи с кружками, уже возникшими в разных городах, и подготовить объединение их в единое революционное общество.

Сергея поразила осведомленность Николая Гавриловича в студенческих делах. Оказалось, что он знает о полулегальном Литературном обществе Медико-хирургической академии и даже о тайных кружках.

— Работаете прекрасно, — говорил Чернышевский, — но прошу вас: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Создавайте дальше кружки, расширяйте работу, но самому вам не следует держаться на виду. Действуйте через других, подобрав надежных помощников. Не сомневаюсь, что они у вас уже есть.

Сергей молча кивнул.

— Отлично, используйте их! Кроме этого, необходимо организовать наблюдение за шпионами. Следует выследить агентов Третьего отделения, знать их, предупредить всех. Только так можно избежать провалов.

Сергей стал посещать Чернышевского в редакции и на дому. Они подружились. Николай Гаврилович полюбил этого юношу, внешне хрупкого, болезненного и в то же время обладавшего сильной волей.

Сергей запомнил каждое слово своего учителя. Тот был по-отцовски внимателен к нему и всегда очень серьезен.

— Сергей Степанович! — говорил он. — Приближается пора нашего общего дела. Скоро наступит время великой битвы. К этому нужно готовиться.

* * *

И Сергей готовился. Ближайшими делами пока были распространение грамотности и пропаганда. Воскресные школы стали модой. В них принимали участие и дамы-благотворительницы и вылощенные офицеры. Под прикрытием моды можно было действовать, не бросаясь в глаза властям.

Профессор Павлов уже в Петербурге. С его помощью, казалось, можно было поставить дело на широкую ногу. Но тут неожиданно нагрянула беда.

Все произошло по вине Петра Завадского. Полицейская слежка и гонения на студентов ничему не научили его. Во время летних вакаций Завадский получил место домашнего учителя в семье харьковского помещика Гаршина. Все шло отлично, пока неосторожный юноша не проговорился о своих связях

с Герценом. Его уволили тотчас же. Тем бы и кончилось дело, если бы через полгода жена Гаршина, всегда стремившаяся учиться, не скрылась из дому. Муж поднял на ноги полицию. Подозрения пали на Завадского. Кого же винить, как не вольнодумцев с «Колоколом» за пазухой и с головами, начиненными бунтом?

У Завадского обыск. В письмах имена друзей. У друзей обыск... Вместо госпожи Гаршиной полицию ожидала другая находка. Из захваченных бумаг и писем полиция узнала о харьковском тайном обществе. Был найден старый черновик статьи Завадского, предназначавшейся для «Колокола». В ней он рассказывал о планах и замыслах тайной организации.

Заскрипели тюремные ворота. За решеткой Португалов, Муравский, Левченко, Ефименко и другие студенты, покинувшие Харьков еще в 1858 году. Их нашли в разных городах — Киеве, Москве, Казани.

По первому сигналу Сергей спрятал все документы. Он временно замер. Никуда не выходил из дому, сказавшись больным. Ждал ареста. Но гроза прошла мимо. По-видимому, в бумагах Завадского и его товарищей имя Рымаренко не встречалось.

Арест друзей был серьезным ударом. Рымаренко возлагал на них большие надежды. Вместе со своими новыми товарищами он вынашивал план объединения столичных кружков с провинциальными.

— Мы потеряли смелых и энергичных участников нашего дела, — говорил Сергей на тайной сходке. — И все из-за непростительной небрежности. Ведь обыск у Завадского был совершенно случайным. Полиция ничего не подозревала. А в результате столько арестов!

После этой встречи Сергей стал еще более осторожным.

Памятуя советы Чернышевского, он старался теперь действовать через других. В Медико-хирургической академии ближе всех к нему был Губнер. Они вместе сняли квартиру на Выборгской стороне в доме Колпакова. Настоящее конспиративное гнездо. Комната Губнера находилась на первом этаже, а комна-

та Сергея над ним. Обе соединялись винтовой лестницей. С ними поселился и Мультановский, впоследствии известный хирург. Кроме того, Сергей снял еще одну квартиру. О ней никто не знал. Там в надежном тайнике хранилась литература и все то, что опасно было держать дома. Вскоре тайник стал служить складом для всех кружков Медико-хирургической академии.

Письма Сергей теперь писал шифром, пользоваться которым его научил Чернышевский. Он брал целые слова из заранее условленной книги. Слово обозначалось дробью, в которой числитель указывал страницу, а знаменатель строчку, где первым стояло нужное слово. Соблюдая наказ Чернышевского, Сергей организовал слежку за шпионами. В тайнике хранился целый список, в который он занес 25 фамилий полицейских агентов. Фамилии шпионов сообщались всем членам политических кружков.

Но идею воскресных школ бросать было нельзя, и потому, едва утихла гроза, Сергей снова начал действовать в полулегальной сфере.

Не раз советовался он с Николаем Гавриловичем. Тот познакомил его с новыми людьми. Однажды Чернышевский представил Сергею симпатичного шатена с большими ласковыми глазами. Это был Николай Александрович Серно-Соловьевич. Сергей уже встречал его как-то в редакции «Современника». Вместе с ним пришел коренастый мужчина в пенсне, с небольшой окладистой бородкой и открытым, жизне-радостным выражением лица.

— Александр Александрович Слепцов, — четко произнес он, протягивая руку.

Сергей не подозревал, что рукопожатие этих двух людей было началом его революционного содружества с верными единомышленниками Чернышевского.

В тот день все они обсуждали вопрос о расширении просветительной деятельности.

Было решено организовать «Общество распространения народной грамотности». Во главе общества стал профессор Платон Васильевич Павлов. Руководство всей негласной работой взяли на себя Сергей

Рымаренко и новые его знакомые. Они разделили обязанности. Слепцов и Серно-Соловьевич занялись организацией школ, библиотек и читален для простого народа.

Сергей принял участие в Совете общества. Первое заседание решили провести в Летнем саду.

В назначенный день, рано утром, Платон Васильевич Павлов медленно шагал по улицам просыпающейся столицы.

«Куда бы это в такой час?» — размышлял человек в светлом пальто и соломенной шляпе. Он двигался следом за профессором на почтительном расстоянии. Ему поручено тайно следить за «агентом лондонских пропагандистов».

Решетка Летнего сада. Профессор скрылся за ней. Человек в пальто прибавил шаг. В саду пусто. Его поднадзорный успел выйти на лужайку и прямо к беседке. О, там его уже ждут!

Трижды мелькнула шляпа шпиона в соседней аллее. Двоих он, кажется, узнал. Похожи на Николая Серно-Соловьевича и Сергея Рымаренко. Но как подобраться? Место выбрано с толком. Кругом одна трава...

Сняв шляпу, соглядатай присел за кустами на краю лужайки. Чу!

— Нужно основательно продумать программу... несколько лет... главное... остаться в тени...

Лучше всего слышно самого Павлова. Тот не бежится.

Вечером в Третьем отделении уже читали донесение. «Общество распространения народной грамотности» ставит своей задачей подготовку народа к революционному преобразованию России. «Оно рассчитывает, — агент точно записал заключительные слова Павлова, — что поступающие отныне в воскресные школы будут подготовлены по программе общества не более как через тринадцать лет к тем реформам, которые хотел ввести Петрашевский, и тогда уже никакая сила не будет в состоянии удержать общий по всей России порыв к перевороту».

Это уже не первый сигнал. О «вредном» действии

воскресных школ на умы простонародья скопилось множество агентурных донесений.

Чиновники Третьего отделения скрипят перьями. Курьеры развозят «конфиденциальные письма» в канцелярии генерал-губернаторов, министру внутренних дел, министру просвещения...

Правительство решило принять меры к прекращению деятельности воскресных школ. Но как? Сразу закрыть их невозможно. Такой шаг вызвал бы резкое недовольство, а это опасно в обстановке общего возбуждения умов.

А воскресные школы росли как грибы. Остановить движение казалось делом безнадежным.

Сергея с головой поглотила новая работа. В Петербурге под его личным руководством успешно действовала Самсониевская воскресная школа на Выборгской стороне.

Совет «Общества распространения народной грамотности» организовал закупку азбук, учебников арифметики, бумаги, перьев. Все это весной 1860 года раздавали уезжающим на каникулы студентам. Им поручалось создавать в деревнях и городах новые воскресные школы и затем, наладив за летние месяцы работу, передавать это дело кому-нибудь из местных энтузиастов.

А теперь — в Кострому на лето, к старшей сестре Елене! Ведь там еще не начато новое дело. Такие люди, как сестра, — прямо клад для воскресных школ. Жизнь разбросала их по разным городам. Сергей учился в Петербурге, а Елена вышла замуж за чиновника, служившего в Костроме. Балин, ее муж, принадлежал к передовой части молодежи, воспитанной на идеях Герцена и Чернышевского. Он, смеясь, рассказывал Сергею, что давно уже возбуждает подозрения губернатора «странным образом своей жизни». За картами его не увидишь. Не пьет. Вечно за книгами и до поздней ночи беседует с друзьями — такими же «странными» людьми.

Сергей рассказал сестре и зятю о цели своего приезда. Оба оживились. Организацию школы можно начать немедленно.

— У нас есть уже кружок из передовых чиновников и учителей, — сообщил Балин. — Они будут рады начать практическое дело.

На следующий день кружок обсудил все детали. Тем же летом воскресная школа начала работать. Подготавливалось и создание местного «Общества распространения народной грамотности».

Организаторы революционного просвещения народа стремились централизовать руководство воскресными школами. Местные общества должны были по их плану подчиняться главному — Петербургскому и действовать согласованно.

Вернувшись осенью в Петербург, Сергей написал проект учебного плана для Самсониевской воскресной школы. Проект ставил задачу — не только обучить учащихся грамоте, но и расширить их политический кругозор. Совет общества разработал Правила для воскресных школ, которые были приняты сначала в Петербурге, а затем и повсюду.

Следуя Правилам, школы повсюду расширяли программу преподавания.

В Харькове читались лекции по физике, а в Казани обучали языкам, географии, истории, естественным наукам. В Петербурге давали начальные сведения об электричестве, знакомили с географией, искусствами, литературой и даже с политической экономией; в Москве знакомили с естественной историей и физикой.

Сколько дела! Сергей не спит ночами, обдумывая, как лучше организовать подбор учителей. Ведь от этого зависит весь успех. Главным резервом служат, конечно, студенты, но не на каждого можно положиться. А потом, прежде всего надо дать идейное направление. Дело не просто в азбуке, географии или физике. Подготовить народ к восприятию революционных идей — это значит в первую очередь подготовить воспитателей. А сколько потребовалось труда для подбора легальной литературы, которую можно было использовать для агитации!

Он устает. Начало сдавать без того слабое здоровье. Мучает кашель и бессонница. А когда он, на-

конец, засыпает, ему снятся пытливые и добрые глаза рабочих, ремесленников, забитых подмастерьев и крестьянских детей. Они жадно впиваются в учителя.

Живое дело сблизило его с передовыми людьми. Теперь Сергей крепко сдружился с Николаем Серно-Соловьевичем и Слепцовым. Завязались искренние отношения с энергичным и смелым Николаем Утиным. Завязывались дальнейшие знакомства. Ближе всех к нему были Н. П. Спасский, Е. П. Печаткин, П. А. Гайдебуров. Сергей гордился своими новыми знакомыми в кругу передового офицерства.

А Чернышевский? Его незримое участие в общем деле Сергей ощущает постоянно. Не всегда удается поговорить. Николаю Гавриловичу теперь все больше недостает времени. Порой в редакционной сутолоке он молча стиснет Сергею руку. Этого достаточно.

* * *

Тысяча восемьсот шестьдесят первый! Он пришел, этот роковой год. Обманчивый, мятежный...

Первым его «подарком» был царский манифест 19 февраля.

А потом?..

Расстрелы демонстрантов в Варшаве. Залпы усмирителей по крестьянам. Казнь отважного Антона Петрова из села Бездна. Целая буря в университетах. Ропот либеральных дворян с их жалкими адресами к монарху. Общее негодование. Бесконечные толки и... неутолимая жажда свободного смелого слова!

А смелое слово пока все еще тайком ввозится из-за моря. Но звучит оно страстно и гневно.

Народ царем обманут!!!

Нет, Герцен хоть и питал некоторые иллюзии в отношении монарха, но все-таки не пошел за хозяином Зимнего дворца. С негодованием отвернулся он от него. «Мы с народом русским, мы с мужиками, а не с сенаторами...» — восклицает издатель «Колокола».

А еще что принес шестьдесят первый?

Листики... листки... Тайная печать родилась в самой России! И не хилым младенцем, а богатырем, растущим не по дням, а по часам и зовущим к бою.

Наступила пора для окончательного оформления общерусской революционной организации.

События не застали Сергея врасплох. Он настойчиво продолжал свое дело. Нелегко доставалось ему. Приходилось посещать лекции в академии. Иначе нельзя. А помыслы были устремлены на другое. Он жадно следил за событиями. Многие рассказывали ему Чернышевский, Слепцов, Серно-Соловьевич.

Тайные политические кружки, руководимые Гюбнером, Мультиановским, Крапивиным и другими, возглавили студенческое движение в Медико-хирургической академии. Их направила рука Сергея Рымаренко. На сходках выступали подготовленные им ораторы. Студенты требовали коренных перемен в высшем образовании, шли на открытый протест, на столкновения с властями. Агитаторы из тайных кружков призывали студентов к протесту против расправы с крестьянами и польскими борцами за свободу.

Одна забота терзала Сергея. Нужно, наконец, добиться постоянной и тесной связи провинциальных и столичных тайных обществ и кружков между собою. Но в чем должна она состоять и как добиться этого, приходилось искать самому. После долгих раздумий искомый рычаг был найден. Обмен информацией!

Ночь 29 апреля. В каморке Сергея горит свеча. Он заканчивает письмо к Вениамину Португалову в Киев. Он просит киевских руководителей тайного общества составить отчет о проделанной работе. Отчет следует прислать ему, Сергею Рымаренко, а также разослать во все университеты — в петербургский, московский, харьковский, казанский, дерптский. Оттуда киевляне получают такие же отчеты. «Для чего это нужно, сам понимаешь, не маленький», — добавляет он в конце.

Осенью, в самый разгар студенческих волнений, Сергея пригласил к себе Слепцов. Беседа была долгой. Сергею предложили войти в состав тайной пятерки. Слепцов возглавил ее.

Пятерки! Это была лучшая форма конспирации. Из пятерок начало складываться тайное общество; теперь оно приобрело название. Его сообщил Сергею Слепцов — «Земля и воля».

Сергей понимал, что он уже давно был побочным функционером тайного общества. Он угадывал решающее влияние в нем Чернышевского. Но теперь он, Рымаренко, вошел в него полноправным членом. Все становилось на свои места.

Осень и зима прошли в трудной, кропотливой работе по объединению сил общества. Создавались новые пятерки. Но главное, конечно, было впереди. «Земля и воля» исходила из того, что всеобщее восстание следует ожидать весной 1863 года. Так мало времени! За каких-нибудь полтора года надо было подготовить все.

В марте 1862 года Сергей вместе со Слепцовым уже заложил основу четвертой пятерки. Первыми в нее были введены студенты столичного университета Николай Утин и Лонгин Пантелеев.

Вскоре Слепцов по заданию общества уехал на все лето для организации работы в провинции, и теперь в Центральном комитете его заменил Сергей Рымаренко.

На него по-прежнему возлагалась организация пропаганды в столице и провинции. Нужно было усилить деятельность воскресных школ, использовать и другие легальные возможности. Из Лондона через тайные каналы поступала литература. Сергей принимал участие в поддержании связи с Герценом и Огаревым.

Законы конспирации суровы. Многое из того, что проходило через руки Сергея, оставалось ему неизвестным. Незнакомым людям, являвшимся с паролем, он передавал то запечатанные сургучом пакеты, то денежные суммы. Всюду требовалось соблюдение тайны.

Все это не помешало землевольцам смело вторгаться в общественную жизнь. Собственно, они-то и были дрожжами, распространявшими широкое брожение. Этому учил Чернышевский и сам подавал

пример. Рымаренко ясно видел, что учитель превратил «Современник» в орган, возглавляющий различные демократические движения, бравший на себя инициативу во многих делах. Здесь и просвещение и бой за свободу печати, равноправие женщин, независимость угнетенных народов.

То же делал и Герцен, хотя (теперь это Сергею было известно) в кругу лондонских «изгнанников» вершились и такие дела, о которых дано было знать лишь немногим.

Быть в гуще людей, работать на виду у всех нелегко. Но другого пути не было. И вот уже с декабря 1861 года стали появляться библиотеки-читальни, организованные деятелями «Земли и воли».

И еще один успех. Николай Серно-Соловьевич открыл книжный магазин. Лучший магазин с редкими книгами и новинками. Кто только не ходил туда! Одни за книгами, другие прочитать новую журнальную статью, третьи — просто поглазеть на красавицу Анну Николаевну Энгельгардт, жену известного профессора. Даже дамы рассматривали ее в лорнет, точно редкий экспонат.

Еще бы! Первая женщина за прилавком! И странно и ново, а в общем... похвально. Лишь заядлые консерваторы, отворачиваясь, хихикали.

А она, невозмутимая и прекрасная, стояла у полок с книгами. Обстоятельно и с достоинством беседовала с покупателями, охотно отвечала на вопросы. Сергей втайне восхищался этой женщиной. Одно из звеньев цепи, приковывавшей наглухо жену и мать к домашнему очагу, дало трещину.

Какая полезная и удобная вещь эти читальни и книжные магазины! Во-первых, очаги просвещения, во-вторых... За дверями комнатки, где сидел хозяин магазина, не раз исчезали люди, зашедшие «по делу» на пару слов. Это из тайного общества. Сам он не раз приносил Николаю Александровичу то «прочитанную книгу», то «денежный долг». И никто, даже полицейские и шпики, то и дело совавшие сюда нос, не мог ни к чему придраться.

На Петербургской стороне хорошо действует Вве-

денская школа. По воскресеньям она до отказа набита фабричным людом. Окрестные жители видят, как по утрам туда заходят два офицера. Любопытные жмутся к окнам. Офицеры читают ученикам по книге, что-то пишут на доске. Простым рабочим! Слышанное ли дело?

Сергей знает обоих отлично. Это Яков Ушаков и Иван Аверкиев. Он сам привлек их к этому делу, снабдил литературой.

Что касается учеников, то те прямо распространяли эту литературу на фабриках. Сергей знал нескольких распространителей по фамилиям. Это Михаил Митрофанов с фабрики Шау, затем Василий Трифонов, Михаил Федоров, Егор Коченков и еще двое-трое.

Все труднее было Сергею. Он чувствовал, как тают силы. Чахотка? Может быть. Но сейчас не до лечения.

Однажды в марте к нему пришел Мультиановский и швырнул на стол номер «Русского вестника».

— Прочти этот пасквиль и скажи скорее свое мнение!

Он достал из-за пазухи четыре свечи, положил на стол и исчез.

Их было двое. Сергей лежал на постели. У его ног на краю уселся Василий Хохряков. Говорили о том, как создать клуб для рабочих. Темнело.

— Вот лиходей! — рассмеялся Василий.—Швырнул и умчался. А за свечи спасибо...

Комната озарилась слабым светом. Зашелестели первые страницы. «Отцы и дети». Новый роман. Глаза жадно искали имя автора. Вот оно! Знаменитое, уважаемое. При чем же тут пасквиль?

...Хохряков давно ушел. Сергей глотает страницу за страницей. Три дня подряд из головы не выходят думы о Базарове и его творце. Что случилось с Тургеневым? Кем он стал, «отцом»? Сергей всегда причислял его к «сыновьям». А тут!..

Да! Это измена нашему знамени. Об этом надо заявить во весь голос.

В тот памятный вечер собрание Литературного об-

щества, созданного студентами Медико-хирургической академии, было особенно многолюдным. Пришли не только медики, но и многие студенты университета, офицеры Николаевской инженерной академии, Михайловского артиллерийского училища.

— Иван Сергеевич Тургенев, — начал в полной тишине Рымаренко, — явился художником-историком общественного движения России сороковых-пятидесятых годов.

Голос оратора дрожал от волнения.

Характеристика жизни и деятельности московских кружков сороковых годов, сделанная Тургеневым, соответствовала жизненной правде.

Сергей понемногу оживлялся. Голос его окреп. Глаза заблестели. Он говорил о конфликте «отцов и детей», как ослабил и исказил этот конфликт писатель.

— Борьба отцов и детей — это политическая проблема современной жизни. Соответствует ли облик Базарова нашему представлению о порядочном человеке? — Сергей оглядывает аудиторию. — Нам всем известно, каким должен быть молодой человек, чтобы мы могли признать его порядочным!

Среди присутствующих оживление. Собравшимся здесь не безразличен этот суд над романом знаменитого писателя. В стенах Медико-хирургической академии немало истинных Базаровых. Они не хотят смотреть в кривое зеркало. Особенно в такое время. Взять хотя бы Мультановского или Хохрякова. Не о них ли говорит сейчас оратор? Послушайте:

— Те, на которых я намекаю, — люди с характером и развитием, не уступающим базаровскому, но они пережили не такие минуты. За тысячи верст принуждены были они бежать, без копейки в кармане, чтобы спасти свое человеческое достоинство от отчего деспотизма.

Сергей оглядывается на Хохрякова.

— Тяжелую борьбу принуждены были выдержать другие, чтобы отстоять свои убеждения от тирании

отца, от желания выше всего поставить свой авторитет...

Теперь он невольно кивает в сторону Мультиановского. Но это всего лишь пример. Сергей защищает целое новое поколение! Да и не в Тургеневе, собственно, дело, хоть и жаль, конечно, что он так написал этот роман. Роман скорее предлог. Важна самая проблема двух борющихся станов. Именно она побудила Сергея выступить сегодня.

— Тургенев не показал достаточно ясно Базарова как борца за дело народа, не раскрыл хотя бы намеками его политических взглядов, его отношения к крестьянскому и другим вопросам, волнующим Россию. Это делает для нашей молодежи невозможным принять Базарова не только за образец, а просто как типическую фигуру!

Сергей попал в цель. Его речь вызвала горячее одобрение. Он говорил о том, что глубоко волновало всех.

На другой день он лежал совсем разбитый. Переутомился, готовя выступление. Силы иссякли. Он болен.

А ведь потрудился не зря. Глубокая трещина разделила образованное общество. И она расширяется. Превращается в океан. Это теперь люди противоположных берегов. Сейчас, как никогда, следует ясно и недвусмысленно заявить об этом.

Сергей в стане борцов за народное дело. «Земля и воля» ждет от него новых усилий. И он не позволяет себе долго лежать в постели.

На очереди организация тайной типографии и издание новых прокламаций.

Весной 1862 года Петербург был наводнен подпольными изданиями. Молодежь доходила до дерзости, распространяя крамольные листки. В день пасхи, 8 апреля, прокламация «К офицерам» была разбросана в церкви Зимнего дворца во время заутрени. Через несколько дней та же прокламация разошлась по всему городу с таким добавлением: «В первый день пасхи воззвание это поразило долгоруко-долгорукое шпионство в самую шишку честолюбия: в двор-

цовой церкви, перед самым носом государя оно было роздано в большом количестве».

К печатанию прокламаций Сергей привлек Юлия Гюбнера и Помпея Мультиановского.

Еще в конце 1861 года Сергей вспомнил о бывшем студенте Медико-хирургической академии Маркове. Тот после смерти отца бросил учиться и, получив наследство, занялся его умножением. У него то и была типография. После рабочего дня в ней можно было без всякого риска заниматься печатанием.

Теперь где-то нужно было разыскать людей, владеющих типографским искусством.

— Как раз имею удачную возможность! — обрадовался Гюбнер, когда Сергей посоветовал ему заняться этим делом. — Мне предложили недавно урок у одного немца, Винкеля, владельца типографии. Я хотел было отказаться, но теперь, наоборот, соглашусь.

Начались уроки. Гюбнер быстро сошелся с Винкелем-старшим. Ему он толковал, что готовится к коммерческой деятельности и собирается издавать книги по медицине. Сейчас ему нужно познакомиться с типографским делом.

Винкель с готовностью пошел навстречу многообещающему молодому человеку.

Предприимчивый Гюбнер быстро научился печатать, затем обучил этому делу еще нескольких студентов, и работа пошла. Но этого было недостаточно. Нужны были новые типографии. Столяру Вагнеру Сергей, Мультиановский и Марков заказали два преса для печатных станков. Один из них предполагалось отправить на Нижегородскую ярмарку. Было решено печатать и распространять прокламации в Поволжье. Революционеры готовились поднять всеобщее крестьянское восстание в этом крае. Ведь в прошлом он не раз был ареной грандиозных крестьянских войн!

Другую тайную типографию решено было организовать в имении А. А. Черкесова. Он был помощником Н. А. Серно-Соловьевича по книжным магазинам и читальням.

Много труда и риска понадобилось, чтобы доставить по назначению первый станок. От Вагнера его вез на извозчике Юлий Гюбнер. Он выбирал глухие переулки. Сергей ехал позади на другом извозчике. Зорко всматривался в вечерний сумрак. Он знал в лицо шпикив. Вот и нелегальная квартира. Дальнейшая перевозка была уже проще. Через несколько дней Гюбнер доставил свой груз в имение Черксова.

Вечерами Сергей выходил подышать воздухом. В раздумье бродил по набережной Невы, любуясь закатом солнца. Вспоминались слова Чернышевского. Тот постоянно говорил, что только те народные права прочны, которые достигнуты движением самих масс. Народ!

Слово короткое и емкое. Сколько заключено в нем смысла! Необъятная масса родных ему, Сергею, сердец, умов, рук... Сейчас он скован, этот многомиллионный великан. А давно бы пора ему подняться. «Декабристам на Сенатской площади не хватало народа», — пишет Герцен. Вместе с Огаревым они оба мечтают о появлении в России революционных кружков, не «фрачных», а народных. А он, Сергей? Разве не все силы кладет он на то, чтобы поднять простых людей из народа на общее дело? Но всего этого мало. Надо удвоить усилия... удесятерить их!

Сейчас, например, нужна новая прокламация. Ее поручил ему написать Центральный комитет. Сергей уже придумал название — «Чего мы хотим?».

Через несколько дней прокламация готова.

На нелегальной квартире собрались Гюбнер, Мультиановский, Ляпустин и Краковецкий. Сергей читает:

— «Итак, на первом месте в настоящее время стоит вопрос о пропаганде идей между народом — с этой целью каждый член нашего кружка должен стараться приобретать агентов в деревнях и селах, городах губернских и уездных...»

Эти агенты, — поясняет Сергей, — должны быть именно из простого народа. Такие люди быстрее и лучше будут поняты остальной массой.

«Нужно толково и ясно убедить их в необходимости скорого переворота. Но одних слов мало, нужно дело; встретит ли кто-либо простолюдина, пусть немедленно он поможет ему из общей нашей кассы...»

Надеюсь, понятно? Революционеры сближаются с тысячами простых людей, воспитывают их, помогают им во всем, завоевывают доверие. Когда настанет время, тысячи наших друзей из народа поднимут миллионы.

«Только подобные действия, — заканчивает Сергей, — дадут нам любовь народа, и тогда успех будет верен; тогда будет можно смело надеяться, что скоро настанет день, когда мы скажем: мы свободны от деспотизма».

Друзья Сергея твердо верили в скорое наступление такого дня. Они готовились к нему не только умом и сердцем. В ожидании решительной схватки следовало подумать о практической стороне восстания.

В скромной квартире солдатской вдовы Андреевой кипит работа. Шьются одинаковые пальто и шапки с особыми значками. Делом руководит Мультиановский. Нужны форма и знаки отличия для повстанцев. Иначе как узнавать друг друга в сражении?

Враг между тем готовил наступление. В апреле 1862 года на столе управляющего Третьим отделением уже лежал список лиц, «подлежащих немедленному арестованию». Он открывался именем Чернышевского и включал в себя много других имен, в том числе Николая Серно-Соловьевича, и Сергея Рымаренко. Жандармы искали удобного предлога.

Он был найден. В середине мая, когда в столице случился пожар, в голову какого-то изобретательного жандарма ударило: «А что, если?..»

Вскоре в глуши ночей к домам крались продажные люди со смолой и паклей. Наутро они же поднимали переполох:

— Вот оно, дело бунтовщиков и социалистов! В огонь их!

30 мая 1862 года Сергей был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Теперь он узнал ее изнутри. Сколько раз любовался, бывало, он ее бастионами и шпилем! Страшный каземат вытравил эстетические ощущения. Но он не сломил волю Сергея.

Находясь в крепости, Рымаренко сохранял связь с друзьями. Несмотря на его арест, прокламация «Чего мы хотим?» все же была выпущена. Она была разбросана на улицах Петербурга 2 июня. Сергей знал, что вслед за ним полиция схватила еще многих членов общества. Это была целая волна репрессий. В начале июня он узнал об аресте Чернышевского. Это был страшный удар. Конечно, Николай Гаврилович всегда говорил о возможности ареста. Он настолько опытный конспиратор, что власти не смогут предъявить ему никаких обвинений. И все же сердце Сергея болезненно сжималось при мысли о том, что Николай Гаврилович тоже в крепости.

Долгие месяцы допросов были для Сергея временем напряженной, суровой борьбы. Настойчиво и умело он отводил обвинения против него и его товарищей, а когда заpiresательство становилось для него и его товарищей бесполезным, брал всю вину на себя. В конце концов власти вынуждены были освободить Мультановского, Краковецкого, Гюбнера, а для самого Сергея наказание ограничить ссылкой.

Глубокой осенью, 9 ноября 1864 года, Сергей был освобожден из крепости и выслан в Астрахань под надзор полиции.

Дорога по осенней распутице казалась бесконечной. 20 января 1865 года Сергей прибыл в Астрахань совершенно разбитым и больным. Но относительная свобода приободрила его. Старался не думать о недугах. После вынужденного перерыва он снова рвался к подпольной деятельности.

В Астрахани было много энергичной молодежи, не было только вожака, который смог бы сплотить и объединить ее. С приездом Сергея все изменилось.

В 1867 году Сергею был предложен пост секретаря губернского статистического комитета. Он охотно согласился. В те годы ссыльные революционеры стремились служить в учреждениях, связанных с кре-

стьянским делом или статистикой. Такая служба давала возможность разъезжать по губернии, знакомиться с положением крестьян и расширять круг связей. Сергей Степанович фактически руководил деятельностью комитета. Однако болезнь уже подточила его силы. Дни его были сочтены.

В январе 1869 года к Чернышевскому в далекую Сибирь дошла весть о смерти Сергея Степановича.

В одинокой избушке у стола сидел скромный человек в очках. В руке письмо. Он уже не видел ни бревенчатых стен, ни грубого стола. Перед его взором вставали дорогие образы. Друзья!.. Скольких из них уже нет!.. Сначала безвременная смерть самого близкого — Добролюбова, потом в Сибири погиб Николай Серно-Соловьевич, и вот теперь весть о смерти Сергея Рымаренко.

Николай Гаврилович видел перед собой его умное, мужественное лицо, слышал его голос... В ушах звучали суровые и гордые слова любимого Сергеем стихотворения:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно.
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

«Нет, недаром погибло столько лучших из лучших, — думал великий революционер, — их жизнь была сурова, но она была полна радости борьбы; их смерть была безвременна, но они заложили прочный фундамент для грядущей победы русской революции».

